

Тема номера: «СУВЕРЕННАЯ РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ 2000–2010-х гг.»

УДК 327

DOI 10.12737/18335

Новый мир и новые международные отношения¹

Пляйс Яков Андреевич

Д-р ист. наук, д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой «Общая политология» Финансового университета при Правительстве РФ

E-mail: spn2004@rambler.ru

В статье рассматриваются основные слагаемые нового миропорядка, анализируются взгляды политиков и ученых на новый мир и новые международные отношения, представлено мнение автора на трансформацию систем международных отношений в XX в.

На взгляд автора, за последние три десятилетия мир и международные отношения кардинально изменились. Этот процесс еще не закончился. Из биполярного состояния через однополярность и многополярность мир, по мнению автора, вновь движется к очередной двухполюсности. Какой она будет, предсказать точно трудно. Скорее всего, это будет биполярность полуантагонистической борьбы двух сверхдержав — США и Китая. Под полуантагонистическим типом международных отношений имеется в виду антагонизм в идеологической основе этих отношений, играющий доминирующую роль в соперничестве, и неантагонистические торгово-экономические и другие отношения, в том числе гуманитарные. Иначе такой тип отношений можно определить как мягкий антагонизм.

Ключевые слова: системы международных отношений, однополярный мир, биполярный мир, многополярность.

The New World and the New International Relations

Plyas Yakov Andreevich

Doctor of Sciences (History), Doctor of Sciences (Policy), Professor, Head of the Department «General Political Science», Financial University under the Government of the Russian

E-mail: spn2004@rambler.ru

The article is about the main component parts of the new world order. The author analyses the views of politics and scientists concerning the new interpretation about the transformation of international relation systems in the XX century.

According to the author's viewpoint the world and international relations have radically changed during the past three decades of years. This process has not ended yet. From a bypole situation through an onepole world with a multipole background the world is moving again to a new bypole system. It is most possible that this will be a world of a semiantagonistic struggle of two superpowers — USA and China.

Keywords: system of international relations, onepole world, bepole world, multipole world.

¹ Работа финансируется Евросоюзом . Статья отражает исключительно точку зрения автора, и Агентство и Комиссия не несут ответственности за использование информации, которая в них содержится. Программа ERASMUS +. Сообщение № 2015-0860/014-001.3.

1. Введение. Основные слагаемые нового миропорядка

Начало XXI столетия ознаменовалось радикальным изменением в системе международных отношений. Этот процесс еще не завершился, и в его основе лежат следующие обстоятельства.

Во-первых, рухнувшая в конце 1980-х — начале 1990-х гг. антагонистическая биполярность двух мировых систем¹, положила начало переходу к новой расстановке сил в мире и новым принципам взаимоотношений между государствами². Такой переход происходит через временную однополярность, достаточно быстро сменяющуюся так называемой многополярностью, о которой речь пойдет далее.

Во-вторых, стремление и связанные с ним усилия победившей западной системы, возглавляемой США, закрепить свое единоличное лидерство прежде всего через разного рода экспансию: НАТО, Трансатлантическое партнерство и др. Этой экспансии сопротивляются страны, не желающие страдать от диктата победителя и ограничивать свой суверенитет. Создавая свои международные организации — БРИКС, ШОС, ОДКБ и др., они стремятся защитить свои интересы и независимость.

В-третьих, быстро растущая мощь Китая, пока еще открыто не претендующего на глобальное лидерство, но весьма быстро приближающегося к заветной цели. Неоднократные заявления китайских лидеров о том, что их страна не стремится быть мировым лидером, не должны вводить в заблуждение. Как только у Китая образуется полноценная совокупная мощь, состоящая из таких слагаемых, как экономическое, финансовое, военное, научное, образовательное, информационное, культурное и др. могущество, начнется эра нового биполярного противоборства. Каким оно будет в реальности,

сейчас трудно предсказать во всех аспектах, но кое-что предположить можно.

Судя по всему, это не будет соперничеством такого антагонистического типа, каким было противоборство между США и СССР несколько послевоенных десятилетий. Оно будет, по моим представлениям, несколько мягче, чем советско-американское, но все же антагонистическое, так как в основе лежат идеологические разногласия, поскольку коммунизм (социализм) с китайской спецификой, по сути, остается коммунизмом (социализмом) так же, как капитализм по-американски. И все же противоборство будет не таким жестким, потому что Китай действует своими методами, не так прямолинейно, как СССР, а мягче, часто через сотни «китайских предупреждений». Но это до поры до времени.

Но многое зависит и от поведения контрагентов. Если они поведут себя вызывающе, напористо, нагло, Китаю придется, вопреки желанию и традиции, отвечать той же монетой.

Биполярное антагонистическое противоборство — наиболее опасный вид соперничества, поскольку оно связано с борьбой за лидерство. Кто-то должен стать победителем, а кто-то побежденным. А поверженным никто не хочет быть, поэтому борьба идет не на жизнь, а на смерть. Если бы это не была борьба гигантов с глобальными интересами и амбициями, она была бы не столь опасна для планеты. Но борьба сверхдержав чревата глобальными катаклизмами и трудно предсказуемыми последствиями.

Кроме перечисленных трех обстоятельств, наиболее, на мой взгляд, важных, есть и другие, также существенные. К их числу относится международный и региональный терроризм, религиозный радикализм и фундаментализм, расширение числа держав, обладающих ракетно-ядерным оружием, массовая

² XX в. был свидетелем двух типов биполярных систем международных отношений: 1) неантагонистической системы США — Великобритания и 2) антагонистической системы США — СССР. Каждая из них имеет свои особые характерные черты. Между этими системами всегда были периоды перехода из одного состояния в другое, когда доминировала одна единственная держава, что позволяет считать этот период временем однополярного мира. В этот же период всегда вырастала вторая сверхдержава, складывалась ее совокупная мощь. Когда она становилась достаточной, начиналось крайне опасное для мира время открытой борьбы за первенство. Победу в ней одерживала та страна, совокупная мощь которой оказывалась более конкурентоспособной, что не могло не быть результатом деятельности жизненно важных систем. Немаловажное значение в обеспечении победы в этой борьбе имела эффективная внешняя политика, а также имеющиеся у страны ресурсы (внутренние и внешние). Именно ресурсы помогли СССР быть конкурентоспособным в биполярной борьбе несколько послевоенных десятилетий. Но и они оказались недостаточными для того, чтобы выиграть гонку за первенство. Наиболее важными факторами оказались все же системы жизнедеятельности общества и государства.

Из двух систем международных отношений наибольшую опасность представляла антагонистическая система, то и дело ставившая мир на грань третьей мировой войны и полного уничтожения в термоядерном огне. Фактически, это был мир антагонистического противостояния двух систем международных отношений — западной капиталистической во главе с США и восточной, социалистической, во главе с СССР, а не только противостояния двух противоположных социально-политических систем.

³ Принципы взаимоотношений между государствами определяются, на мой взгляд, не столько международным правом, сколько отношениями между доминирующими в мире державами, т.е. права и силы. Когда они меняются, меняются и принципы взаимоотношений.

миграция и др. Перечисленные факторы, возникшие в последние два-три десятилетия или даже в последние два-три года, определяют сегодняшний глобальный ландшафт, принципиально отличающийся от того, что был в мире до конца 1980-х гг. Ясно, что это сложное переходное состояние международных отношений, чревато самыми неожиданными поворотами и осложнениями, в том числе драматическими. Поэтому всем субъектам международных отношений следует быть архиосторожными и предусмотрительными.

2. Взгляды политиков и ученых на новый мир и новые международные отношения

Внешнеполитической деятельности России руководители нашей страны уделяют постоянное пристальное внимание. Речь идет, прежде всего, о Президенте РФ В.В. Путине. Ссылаясь лишь на некоторые факты и источники последних месяцев можно отметить, что в статье «АТЭС: к открытому равноправному сотрудничеству в интересах развития», опубликованной в «Российской газете» 17 ноября 2015 г., накануне встречи лидеров стран — участниц форума АТЭС, Владимир Путин упоминает различные аспекты сотрудничества России со странами АТР.

Европейское и другие направления внешней политики России нашли освещение в разных интервью В. Путина отечественным и зарубежным журналистам. В связи с этим хочу упомянуть лишь два его интервью, имеющих принципиально большое значение, особенно с точки зрения понимания взглядов нашего президента на мир.

Первое пространное интервью прозвучало в фильме телеведущего Владимира Соловьева «Миропорядок», который был показан на телеканале «Россия-1» 20 декабря 2015 г. Речь в нем идет об отношениях России с Западом, о принципах геополитической борьбы и новом балансе сил в мире.

Главная проблема Европы, по убеждению российского президента, состоит в том, что она «не проводит самостоятельной внешней политики», передав часть своего суверенитета, по сути, лидеру НАТО — США. «Мы не ждем от наших партнеров в Европе, что они откажутся от своей евроатлантической ориентации», — считает Путин. Интересы европейских стран в том, чтобы объединять усилия и в экономике, и в политике, и в борьбе с террором, и в борьбе за решение экологических проблем, с организованной преступностью... Мы открыты, не собираемся губы надувать из-за этих санкций. Мы ждем всех», — говорил Путин.

Геополитическая борьба должна идти по цивилизованным правилам, убежден российский президент. Нельзя свои собственные схемы и представления о добре и зле, о демократии перекладывать автоматически, просто механически на другие страны и народы, с другой культурой, другой религией, другими традициями. «Чтобы продлить свое лидерство как можно дольше, нельзя никого унижать, а очень многие элементы внешней политики наших друзей из-за океана как раз связаны с продавливанием своей позиции с помощью силы. Вот это, конечно, плохо», — считает Путин.

После краха биполярной системы западные страны продолжали действовать и думать по старинке, по клише «холодной» войны. Но надо учитывать, что расклад сил в мире изменился [1].

Темы этого интервью были вновь подняты в начале января 2016 г. в Сочи во время беседы В. Путина с журналистами немецкого издания *Bild*. Вместе с тем прозвучали и совершенно новые заявления. В частности, было сказано, что Россия не претендует на роль супердержавы. «Это очень дорого и ни к чему. Мы занимаем пятое-шестое место в мире по объему экономики. Сейчас, может быть, чуть поменьше, имея в виду те экономические сложности, про которые я сказал, но мы точно знаем, что у нас очень хорошие перспективы развития и потенциал», — отметил Путин. Ответы Путина касались и участия России в G8, и сотрудничества в рамках Совета Россия — НАТО, и отношений с Турцией, и борьбы с ИГИЛ⁴ в Сирии, развития демократии в нашей стране [2, 3].

Внешнеполитические позиции России нашли объяснение и в традиционной пресс-конференции по итогам прошедшего года Министра иностранных дел Сергея Лаврова, состоявшейся 26 января 2016 г. [4].

Современному состоянию и перспективам международных отношений уделяется все больше внимания и учеными. Этому вопросу посвящено немало статей и в периодической печати, и в солидных научных журналах. Сошлюсь лишь на некоторые статьи как российских, так и западных авторов, опубликованные в последние месяцы 2015 г. Все они, в принципе, сходятся на том, что мир быстро меняется, что требует новых подходов к трактовке и оценке международных отношений, перспективам их развития.

Например, Александр Рар, известный аналитик мировой политики, член правления российско-германского форума «Петербургский диалог», пишет:

⁴ ИГИЛ — запрещенная в России террористическая организация.

«Мир становится другим. Отношения России с Западом выходят на совершенно новый уровень». «Сирийская проблема — это один из кирпичей для построения нового глобального мирового порядка, который будет уже не однополярным, а многополярным. Никто не знает, как этот многополярный порядок в конце концов будет выглядеть, но в Сирии он уже начинает формироваться. <...> ...построению общего мирового порядка мешают геополитические разногласия, которые имели место в прошлом» [5]. «США, — отмечает далее Рара, — традиционно хотят выстроить новый порядок на Ближнем Востоке таким образом, чтобы главную роль отдать Саудовской Аравии, с которой у Америки развиты близкие отношения. Россия, наоборот, хочет, чтобы в этой «большой игре» в первых рядах участвовал Иран, который исторически с Россией был связан больше, чем с Западом. Как все эти разные геополитические разногласия совместить — вопрос к дипломатам» [5].

В цитируемой статье Рара справедливо говорится и о другом важном обстоятельстве современной мировой политики — о том, что «американцам и НАТО все труднее вести войны на двух фронтах». «Америка, — пишет он, — как мы знаем, участвует в бомбежках ИГИЛ в Сирии. Но сейчас образовался новый пожар в Афганистане. И 15 лет миротворчества НАТО в этой стране подвергается большому сомнению. Запад не может принять этот вызов и выйти из Афганистана побежденным, как Советский Союз в 1989 г. Для Запада это будет огромным шоком. Поэтому есть предположение, что НАТО и Америка активизируют миротворческие усилия и военные действия в Афганистане» [4].

И еще одна цитата из статьи А. Рара: «В Сирии Россия стремится стать ведущей силой антитеррористического альянса, то есть сыграть ту роль, которую взяли на себя США в Афганистане. И Москва считает себя вправе делать это, поскольку выступает на стороне легитимного президента Башара Асада. А американцы непонятно с кем сотрудничают. Конечно, другая цель России — не допустить продолжения оранжевых революций или так называемой арабской весны и предотвратить попытки проводить перевороты, которые поддерживаются Западом ради построения демократии, которая нигде не установилась. Защита Асада — это барьер против продолжения революций, о которых многие на Западе мечтают, не понимая, что это им не удалось» [5].

На высокую динамику развития международной ситуации указывают и многие российские аналитики. Сошлемся на суждения и выводы лишь некоторых из них. Подводя внешнеполитические итоги 2015 г.,

председатель Комитета Госдумы по международным делам Алексей Пушков обратил особое внимание на то, как изменилась расстановка сил в мире, к чему стремится НАТО и кому выгодно сохранение напряженности на Украине. Отвечая на вопрос: «Как изменилась наша международная позиция и вообще расстановка сил в мире после начала российских авиаударов по позициям экстремистов в Сирии»? Пушков сказал: «Наши действия стали откровением и для США, и для ЕС. На Западе долго убеждали себя в том, что Россия — это лишь большой осколок Советского Союза. Но это не так. Не будем сравнивать себя с СССР, которой был признанной сверхдержавой. Но при этом наша страна, безусловно, входит в число ведущих мировых держав по совокупности факторов силы. А по способности к самостоятельным действиям она входит в тройку ведущих мировых держав. На Генеральной ассамблее ООН эта тройка обозначилась со всей ясностью: США, Россия и Китай. Это три мировых центра принятия самостоятельных решений. <...> Таким образом, операция в Сирии лишь подтвердила эту новую многополярность. Сейчас принято говорить, что в мире возникают все новые «полюса»: не только США и ЕС, но и Китай, Россия, Индия, Бразилия, Иран. <...> Да, это во многом так, но когда мы смотрим на горную цепь, то обращаешь внимание, что 2–3 вершины выше остальных. То же самое и в мировой политике» [6].

«Современная международная ситуация очень динамична, — продолжает Пушков, — ни одна проблема не остается долго в фокусе внимания, поскольку появляются новые темы, новые вызовы, причем очень серьезные» [6].

На частые изменения международной ситуации указывает и Игорь Иванов, президент Российского совета по международным делам (РСМД), министр иностранных дел России (1998–2004 гг.). В статье «Россия и Европа: к новым правилам» он пишет: «Сегодня можно уверенно констатировать, что историческая эпоха, начавшаяся во времена советской перестройки и продолжавшаяся без малого три десятилетия, завершилась» [7].

Рассуждая далее о «некоторых параметрах новой реальности», Иванов отмечает: «Прежде всего, следует признать, что отношения между Россией и Европой придется строить на фоне устойчивого и глубокого взаимного недоверия — недоверия государственных лидеров, политических элит и обществ в целом». По мнению Иванова, «теперь недоверие становится долгосрочным параметром новой реальности». Причины такого недоверия, как считает Иванов,

«...связаны с принципиальными расхождениями во взглядах на современный мир, на доминирующие тенденции в мировой политике, на желательные и необходимые параметры будущего мирового порядка».

Иванов также считает, что «в новых условиях строить отношения между Россией и Европой на базе общих ценностей было бы малопродуктивным», потому что «ценности — слишком общее и слишком противоречивое понятие, чтобы использовать его в качестве фундамента внешнеполитической стратегии». Наиболее «практичным и продуктивным в данный момент», по мнению Иванова, является «выстраивание сотрудничества вокруг конкретных проблем, где наши интересы объективно совпадают».

Областей совпадающих интересов Иванов видит три: 1 — многочисленные проблемы, связанные с безопасностью: «Сегодня Россия и Запад практически вступили в новую гонку вооружений, причем главным плацдармом этой гонки становится именно Европа. <...> Поэтому первоочередной задачей является предотвращение эскалации военной напряженности, восстановление диалога по вопросам безопасности, расширение контактов между военными, обмен информации о планах в сфере обороны, сравнение военных доктрин и так далее»; 2 — вопросы развития, не только экономического, но и социального, культурного и гуманитарного; 3 — проблемы глобального управления, охватывающие такие сферы, как: дестабилизация мировой политики, усиление тенденции к хаосу и анархии в международной системе, управление миграционными потоками и решение проблемы беженцев, решение экологических проблем региона, согласование позиций по вопросам изменения климата, диалог по ряду вопросов современного международного права [7].

Для более полного представления о современной картине международных отношений сошлюсь также на статью Константина Косачева, председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, озаглавленную «2015: в стране и в мире». Отмечая, в частности, что «...возможно, в какой-то мере мы оказались не совсем готовы к тому, что в международных отношениях будут столь явно доминировать политические и идеалистические, а не экономические и прагматические мотивы», Косачев далее перечисляет наиболее важные, с его точки зрения, события 2015 г. Речь в том числе идет о завершении переговоров по договору о создании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИР), который ЕС и США собираются подписать в ближайшее время.

Этот проект дополнен другим параллельным проектом о создании Транстихоокеанского партнерства. Десятилетние переговоры по нему завершились 5 октября 2015 г. В него объединились страны, представляющие треть мирового ВВП. Намечившаяся таким образом кардинальная перестройка глобальной экономики, последствия которой скажутся на большинстве государств мира, упомянутыми выше партнерствами не ограничивается. 1 января 2015 г. начал функционировать Евразийский экономический союз в составе России, Белоруссии и Казахстана (ЕАЭС), на следующий день к нему подключилась Армения, а 9 мая того же года — Киргизия. В мае 2015 г. лидеры России и Китая — В.В. Путин и Си Цзиньпин — подписали совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и экономического пояса Шелкового пути.

Говоря о важнейших событиях 2015 г., Косачев упоминает и о том, что в июле этого же года в Вене Иран и шестерка международных посредников достигли всеобъемлющих договоренностей по ядерной программе [8].

Теме современных международных отношений и внешней политики России большое внимание уделяет и Сергей Караганов, декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. В статье «Праздновать еще рано» он, обобщая итоги 2015 г., отмечает, что «...российская политика во внешнем мире была успешной на большинстве направлений. При всех маневрах она была стратегичной и последовательной. Ей удалось перевести соревнование за международные позиции в те сферы, где Россия сильнее — военно-политическую, борьбу мозгов и воли... Но праздновать еще рано. В конечном итоге почти всегда, но особенно в современном мире возможности и влияние страны определяются экономической мощью, технологическим уровнем, качеством человеческого капитала» [9].

Среди наиболее важных направлений внешнеполитической деятельности России особое место принадлежит Китаю и Индии. Отношения с КНР давно уже стали одними из самых приоритетных в современной России. Еще в 1996 г. был создан механизм регулярных встреч глав правительств Китая и России, которые проводятся раз в год. В декабре 2015 г. состоялась 20-я такая встреча.

Сотрудничество России и Китая охватывает разные сферы: новые и высокие технологии, космонавтику, авиацию, ядерную энергетику, новые источники энергии и др. Речь идет также об углублении сотрудничества в рамках механизмов ШОС и БРИКС [10].

Индия также одна из тех стран Азии, которая имеет приоритетное значение во внешней политике России. Это еще раз было подтверждено во время визита в Москву в декабре 2015 г. премьер-министра этой страны Нарендра Моди. «Отношения между Россией и Индией охватывают все области, — сказал он в своем интервью перед поездкой. — Мы успешно сотрудничаем и на суше, и в воде, и в небе. Также тесно мы сотрудничаем на международной арене: во времена кризиса или когда просто нужно присутствие друга, Россия всегда была рядом» [11].

И Китай, и Индия, а также ряд других азиатских стран (в частности, Япония, Индонезия, Южная Корея) становятся все более важными партнерами России [12].

3. Взгляд автора на трансформацию систем международных отношений в XX в. и на современный миропорядок

8 февраля 2008 г. войдет в историю России как особая дата, так как именно в этот день Президент страны В.В. Путин выступил на расширенном заседании Госсовета с концептуальной речью о стратегии развития России до 2020 г. Поделившись своим видением развития внутренней и внешней политики страны, президент обратил внимание на то, что «...наши долгосрочные ориентиры должны быть понятны всем, должны быть поддержаны гражданами страны». Поэтому крайне важно, «...чтобы планы развития страны прошли через широкое обсуждение в российском обществе с участием всех его институтов» [13].

Внешнеполитический раздел речи 8 февраля посвящен преимущественно трем актуальнейшим для страны темам: 1 — новой гонке вооружений и ответным действиям России; 2 — мерам противодействия расширению НАТО на Восток и 3 — позиции России в глобальной борьбе за ресурсы. Отмечу, что задачи, возникшие перед Россией в последние годы, необычайно сложны, а их решение требует неординарных подходов и усилий. В связи с этим достаточно упомянуть о такой дилемме, обозначенной в докладе российского президента, как «...не дать втянуть себя в затратную конфронтацию, в том числе в разрушительную для нашей экономики, истощающую нашу экономику новую гонку вооружений, пагубную для внутреннего развития России», с одной стороны, и «...нас фактически ставят перед необходимостью ответных действий, вынуждают принять соответствующие решения» — с другой, чтобы убедиться в сложности ситуации, в которой оказалась Россия.

Для адекватного решения только этой проблемы нам необходимо разобраться в быстро меняющейся глобальной ситуации, в новой конфигурации международных отношений (особенно сложившейся в последние месяцы) и выстроить адекватную внешнеполитическую стратегию. Именно этому и посвящена данная статья.

* * *

XX в. вошел в историю человечества как один из самых сложных, динамичных и драматичных веков. Действительно, калейдоскоп событий менялся в этом столетии с такой быстротой, что даже опытным аналитикам и исследователям с трудом удавалось проследить тенденции и основные направления развития событий. За прошедшее столетие мир пережил две мировые войны; в небытие ушло несколько великих империй, существовавших не одну сотню лет и рухнувших чуть ли не в одночасье; менялось внутреннее общественное устройство многих стран, а у некоторых из них — неоднократно; революции и реформы также были постоянными спутниками прошлого века.

Некоторые наиболее важные явления потребовалось назвать здесь исключительно для того, чтобы показать, какие фундаментальные факторы лежали в основе тех глубоких изменений и трансформаций, которые происходили в международных отношениях в XX в. Под воздействием обстоятельств менялись не только формы и методы этих отношений, но и их характер. Все это стремились осмыслить и обобщить ученые разных стран, в том числе на теоретическом, системном уровне. Обобщая их взгляды, отмечу, что трансформация систем международных отношений — это непрерывный и, чем ближе к нашему времени, тем все более динамичный процесс. Анализ показывает, что в основе этой трансформации лежат определенные закономерности.

Во-первых, независимо от числа международных акторов между ними всегда шла, идет и (пока будут существовать национальные государства) будет идти противоборство в самых различных формах за реализацию своих национально-государственных интересов. В этой борьбе на первые роли выходят те, кто обладают большей, чем другие, совокупной мощностью. При этом в разные времена роли и значение каждой из слагаемых этой мощи также трансформировались. В результате в эпоху оружия массового уничтожения (ОМУ) военное могущество потеряло свое изначальное первостепенное значение из-за трагичной опасности его применения, но сохранило ранг одного из важнейших компонентов в совокупной

мощи как самый мощный инструмент сдерживания потенциальных противников. Экономические и финансовые компоненты, а также глобальные коммуникации разного рода, напротив, выдвинулись на первые роли. Не в последнюю очередь это объясняется быстрым развитием социальной функции государства, изменением структуры потребления населения в пользу устойчиво возрастающих бытовых потребностей, а также интересов масс населения. Современная экономика знаний способствует (и одновременно требует), чтобы на первый план вышли сферы науки и образования. Это мы и наблюдаем в развитых странах. А теперь такая задача поставлена на повестку дня и в России.

К указанному необходимо добавить, что среди компонентов совокупной мощи есть не только повседневно действующие (экономика, финансы, информация, наука, образование, культура), но и те, которые важны в принципе, но действуют лишь в особых обстоятельствах, например, в условиях войны. Это, конечно, военная мощь, которая учитывается всеми, но которая действует лишь тогда, когда это необходимо и когда она становится основной. В мирное же время этот фактор играет, так сказать, пассивную роль, в том смысле, что не работает также повседневно и ежечасно, как другие.

Как бы ни менялись своими ролями компоненты совокупной мощи, все они всегда должны присутствовать в ней, и отсутствие или слабость какой-либо из них негативно сказывается на суммарном могуществе и, соответственно, на роли и месте того или иного субъекта на международной арене. Тот же субъект, который обладает самой значительной совокупной мощью, всегда претендует на роль мирового гегемона и диктатора. Превращаясь в сверхполюс (супердержаву, или мировую державу № 1), этот субъект во все времена стремился продиктовать свои правила игры всему миру.

Несмотря на экономическую, финансовую, моральную и прочую обременительность роли сверхдержавы, она имеет определенные преимущества и способна даже приносить ее обладателю немалые дивиденды, если только сверхдержава не берет на себя неподъемные даже для нее обязательства и не ставит перед собой невыполнимые цели и задачи. Но именно это, как правило, и случается. Прежде всего, потому, что те глобальные миссионерские цели, которые провозглашают и стремятся реализовать сверхдержавы (например, установление демократии по-американски во всем мире или коммунизма по-советски в глобальном масштабе) — это не только крайне дорогостоящие проекты, но в

своей основе утопические, вызывающие скрытое или прямое неприятие у тех, на кого они направлены. Удержание их в своей орбите становится для сверхдержавы со временем все дороже, в результате чего неизбежно наступает момент ее отступления или поражения. Надорвавшись от непосильной ноши, сверхдержава начинает сдавать свои позиции и уступать первую роль подоспевшему выросшему конкуренту, созревшему для борьбы за первую роль. Здесь мы подходим ко второй закономерности, даже, пожалуй, закону неизбежного появления конкурента-претендента на первую роль, на роль глобальной сверхдержавы.

Этот конкурент вырастает из числа региональных лидеров. Попадая в благоприятную ситуацию, обладая необходимыми внутренними и внешними ресурсами, в первую очередь современными конкурентными системами организации общественной жизни и воздействия на огромные массы людей, региональный лидер начинает быстро прогрессировать, составлять конкуренцию сначала себе подобным, а потом и глобальному лидеру.

Таким образом, логика и практика превращения в сверхдержаву следующие: *при благоприятных внутренних и внешних обстоятельствах государство, обладающее необходимыми предпосылками (прежде всего, наиболее конкурентоспособными системами организации внутренней жизни страны и ресурсами), вырастает в регионального лидера, а затем, при успешном для него развитии событий, — в глобальную сверхдержаву*. На всех этапах процесс трансформации одного статуса в другой сопровождается перманентной ожесточенной и бескомпромиссной борьбой между всеми великими державами, но особенно между лидером и претендентом на эту роль.

Исходя из изложенного, можно прийти к выводу, что на мировой арене, начиная с давних времен (особенно с эпохи борьбы за мировое лидерство) и до сегодняшнего момента, из общего числа государств выделялись региональные лидеры, а из них уже сверхдержава (глобальный лидер) и ее соперники — претенденты на эту роль. При благоприятных условиях один из них со временем побеждал гегемона и сам становился им, чтобы через какое-то время, ослабев или одряхлев, тоже оказаться поверженным.

Примечательно, что основной конкурент лидера также организует свою систему международных отношений, имеющую, как всякая система, свое ядро в лице, разумеется, этого конкурента, своих сателлитов, вращающихся вокруг ядра, и периферийный резерв.

Поэтому единой системы международных отношений, как мне представляется, в мире не было, и думаю, едва ли будет. Даже в период монополярности. Несмотря на наличие международного права и международных организаций типа ООН, ВТО, МОТ, международных судов и т.п., деятельность и решения которых носят рекомендательный характер, и никак иначе, чтобы не вступать в противоречие с национальным суверенитетом. Правила поведения в конкретной системе международных отношений всегда устанавливал лидер, который считался со своими сателлитами или партнерами по союзам или блокам, когда считал это нужным. В то же самое время мир всегда был, есть и будет однополярным (в том смысле, что в нем всегда есть лидер), и одновременно всегда был, есть и будет многополярным. В том смысле, что в нем всегда есть несколько крупных региональных полюсов, некоторые из которых борются за пальму первенства в мире, т.е. за место и роль сверхдержавы. Поэтому постоянный спор о том, каков на самом деле мир, однополярный или многополярный, в сущности, не имеет смысла. Повторяю, мир всегда был и одним, и другим. В свое время (в XVIII в.) за лидерство против великих колониальных держав — Испании, Голландии, Франции — боролась Великобритания, набравшая мощь после промышленной революции второй половины XVII в., создавшая необходимые предпосылки и ресурсы для борьбы за мировое лидерство. Затем, уже в XIX в., после гражданской войны и успешной индустриализации, в борьбу за глобальную гегемонию вступили США. Во второй половине 50-х г. XX в., опять-таки после создания соответствующих предпосылок и резервов, в борьбу включился СССР. Сейчас то же происходит с Китаем, успешно и достаточно быстро создающим совокупную мощь, необходимую для борьбы за глобальное лидерство, ускоренно продвигающийся к первой роли в мире.

Поэтому можно обоснованно утверждать, что в определенные периоды времени, в частности, когда конкурент лидера приближается к нему по своей совокупной мощи, наступает *эпоха биполярности*. По природе своей эта биполярность так же, как двоевластие, не может быть продолжительной. Изматывая соперников, особенно через гонку вооружений, биполярность неизбежно заканчивается победой одного из полюсов, а именно того, кто наиболее силен и конкурентоспособен. В борьбе против своего противника каждый из гигантов использует все дозволенные и недозволенные приемы, возможные и невозможные средства. Конец борьбы и победа в ней одной из сверхдержав является в то

же время началом нового раунда борьбы, но уже, как правило, с новым претендентом на роль лидера.

Необходимость постоянного подтверждения своего статуса гегемона неизбежно подталкивает его искать союзников, партнеров, вступать в блоки, различные организации, создавать свою систему международных отношений и т.п.

Какая же конфигурация сил на международной арене является наиболее устойчивой, приемлемой и результативной для международного сообщества? как субъектам международных отношений поступать в переходные эпохи? Например, в эпоху перехода от однополярности к биполярности, и наоборот.

Хотя на эти сложные вопросы трудно дать однозначные ответы, попытаюсь, тем не менее, это сделать. Тем более что они имеют прямое отношение к нашей стране.

Начну с однополярного состояния, поскольку, как было отмечено, мир одновременно и однополярен, и многополярен, и в то же время всегда находится в состоянии борьбы за глобальную пальму первенства, ведущуюся между лидером и основным претендентом на эту роль. Образно говоря, мир постоянно беременен биполярностью.

Однополярное состояние характеризуется, прежде всего, тем, что лидер стремится не просто установить, а зафиксировать и сохранить свою основную роль, продиктовать другим субъектам свои правила игры и попытаться их узаконить, особенно в международном праве. Более чем наглядной иллюстрацией служит нынешнее поведение США, стремящихся обосновать и закрепить в международном праве практику прямого вмешательства во внутренние дела других стран. «Сегодня, — пишет Г. Киссинджер, — вестфальский порядок переживает системный кризис. Его принципы оспариваются, хотя приемлемую альтернативу еще предстоит отыскать. Не только Соединенные Штаты, но и многие европейские государства отвергают принцип невмешательства во внутренние дела других стран в пользу идей гуманитарной интервенции или вмешательства на основе следования всемирной юрисдикции. В сентябре 2000 г. на саммите ООН, посвященном наступлению нового тысячелетия, этот подход был одобрен и поддержан многими другими государствами. В 90-е гг. Соединенные Штаты по гуманитарным соображениям предприняли четыре военные операции — в Сомали, на Гаити, в Боснии и Косово; другие страны возглавили такие операции еще в двух местах — в Восточном Тиморе (Австралия) и в Сьерра-Лионе (Великобритания). Все эти ин-

тервенции, кроме интервенции в Косово, были санкционированы ООН» [14].

В прежние века, когда региональные лидеры были не столь сильны и влиятельны как сейчас (и число их было меньше), гегемону было проще устанавливать и поддерживать свой диктат, извлекая из него максимум выгоды. В наше время это не только более сложная, а фактически непосильная для него задача. Оппозиция настолько сильна, что, хочешь не хочешь, с ней приходится считаться, и то и дело ей уступать. Поэтому роль современного сверхполюса заметно отличается от той, какой она была в прошлые века. Отсюда следует вывод: стремлению гегемона устанавливать свои правила игры можно успешно противостоять, блокируясь на временной или постоянной основе с его оппонентами. Наглядный пример — совместное выступление России, Германии, Франции и некоторых других стран против войны США и их союзников в Ираке в 2003 г.

Многополярный мир, о существовании которого так часто пишут и говорят многие наши политики, дипломаты и ученые, — это, прежде всего, значительно более сложный мир, чем однополярный или биполярный. Неслучайно сейчас все чаще говорят не о многополярном мире, а о многополярном хаосе. Эта сложность образуется не только из-за разновекторности различных национальных интересов региональных лидеров, образующих полюса, но и из-за того тоже, что у каждого из этих лидеров свое видение миропорядка и путей его развития.

Тем не менее современная реальность такова, что глобальные проблемы, в первую очередь проблемы безопасности, экологии, энергоресурсов, продовольствия и ряд других, вынуждают этих лидеров искать хотя бы шаткий консенсус, вырабатывать и претворять в жизнь взаимоприемлемые решения. Наиболее наглядным образом это проявляется на саммитах «большой восьмерки». В 2005 г. в Гленнигсе, например, после трагических событий 7 июля в Лондоне было принято совместное решение о борьбе против международного терроризма.

В июле 2006 г., когда саммит «большой восьмерки» собрался в Санкт-Петербурге, в центре его внимания были такие вопросы, как: ситуация в странах с переходной экономикой, страны СНГ, борьба с бедностью, противодействие терроризму. По предло-

жению Президента России В.В. Путина обсуждалась также проблема энергии и энергоресурсов.

Форматы G8, G20, а в последние годы и БРИКС позволяют учитывать как интересы всех основных полюсов, так и общемировые проблемы. Не следует, однако, забывать, что сама мощь сверхдержавы (или гипердержавы, по выражению В. Третьякова), особенно экономическая и финансовая ее составляющие, побуждает остальных участников международных форумов ориентироваться на того, кто фактически делает погоду, т.е. на мирового лидера.

В отличие от многополярного мира биполярный одновременно и проще, и сложнее. Но в любом случае он значительно опаснее, чем одно- или многополюсный миры. Опаснее потому, что биполярный мир — это постоянно враждующий мир, мир острой конфронтации и борьбы за глобальное первенство. Если же в основе этой борьбы лежат идеологические или цивилизационные различия или то и другое вместе взятое, из которых вырастают миссионерские амбиции борющихся, то это еще и антагонистический мир, то и дело переходящий на язык угроз и балансирующий на грани войны⁵.

За примером далеко ходить не надо. Это канувший не так давно в лету биполярный мир эпохи «холодной войны», возглавлявшийся двумя сверхдержавами — США и СССР. Каждая из них имела свою систему международных отношений, построенную на своих принципах, своих сателлитов, свои международные организации, свой потенциальный резерв из стран «третьего мира» и неприсоединившихся государств, и каждая из них в борьбе друг против друга была готова идти до конца, до своей полной победы. При таком расколотом состоянии трудно сохранять мир, решать общие проблемы, найти взаимопонимание (не говоря уже о консенсусе), чрезвычайно много ресурсов и усилий затрачивается на борьбу одной системы против другой. И хотя этот мир стал достоянием истории, биполярность, как упоминалось выше, время от времени повторяется. В основе будущей биполярности, как считают многие исследователи, будет лежать противостояние США и Китая.

Примечательно, что, как и предыдущая биполярность, грядущая будет, скорее всего, основана на антагонизме идеологий и политических парадигм,

⁵ По этому вопросу существует и другое мнение, фактически противоположное моему. «Если рассматривать стабильность как некое «равновесие», — отмечается, например, в учебнике М.М. Лебедевой «Мировая политика» (М.: Кнорус, 2013), — то, пожалуй, биполярная система в наибольшей степени отвечает этим требованиям. Результаты взаимодействия государств в биполярном мире, как правило, относительно прогнозируемы» (с. 90). На мой взгляд, это достаточно спорная констатация, особенно в связи с относительной прогнозируемостью результатов взаимодействия государств. Действия еще можно как-то спрогнозировать, а результаты — едва ли.

так как ни США, ни Китай не откажутся от своих мировоззрений, от образа жизни и действующих политических систем. К этому следует добавить, что биполярность бывает и другого типа, т.е. не только антагонистической, которая является наиболее опасным состоянием международных отношений, но и неантагонистической. Это состояние возникает тогда, когда основные противоборствующие полюса исповедуют одну и ту же систему ценностей. Например, либеральную, как это было в период противоборства между США и Великобританией в конце XIX и первой трети XX в. за первую роль в мире. Иными словами, антагонистическая биполярность складывается тогда, когда в основе борьбы за первенство в мире лежат различные идеологии, например, либеральная (буржуазная) и коммунистическая, каждая из которых стремится к распространению на весь мир. Ради этого обе стороны готовы на все. Другими словами, именно идеологическое противоборство генерирует наиболее опасное состояние в международных отношениях. Но современное состояние мира — переходное, когда меняются не только мировоззренческие устои наций и государств, но и конкретные системы: политические, экономические и др. Поэтому и капитализм ведет себя иначе на международной арене, и социализм. Идет процесс конвергенции и общественных систем, и систем международных отношений. Из-за этого грядущая биполярность, на мой взгляд, США — Китай будет иной, т.е. не столь антагонистической, как двуполюсность США — СССР. Однако идеологическая и особенно цивилизационная основа противоборства США и Китая все же будет присутствовать, и это сделает противостояние достаточно острым.

* * *

Пока мир и международные отношения переживают переходную эпоху, важно видеть, какие тенденции в них развиваются. В связи с этим исследователи обычно обращают внимание на следующие основные тенденции.

1. Ускоряющаяся всеобъемлющая глобализация, заключающаяся, прежде всего, в полномасштабной интернационализации экономики, в развитии единой системы мировой связи, активной транснациональной деятельности негосударственных образований, изменении и ослаблении функций национальных государств, активной миграции населения, имеющей различный характер (трудовая, образовательная, научная, туристическая, пр.) и т.д.

На этой основе формируется все более взаимозависимый и целостный мир, взаимодействия в котором принимают системный характер.

2. Обострение образовавшихся ранее (экологической, энергетической, сырьевой, продовольственной, демографической и др.) и возникновение новых глобальных проблем (международный терроризм, международная наркоторговля, организационная международная преступность и т.д.), настойчиво побуждающее мировое сообщество объединять свои усилия для эффективного решения этих проблем.

3. Усиление влияния демократизации внутривнутриполитической жизни на международные отношения. Третья всемирная волна демократизации охватывает не только внутреннюю жизнь растущего числа стран мира, но и все шире распространяется на внешнюю политику и международные отношения. Этому в немалой степени способствуют достижения постиндустриальной революции — глобальная сеть «Интернет», спутниковая связь и кабельное телевидение, электронная почта и телефаксы.

4. Интенсивная интернационализация духовной жизни в целом и культурной в особенности, которая сглаживает и смягчает борьбу цивилизаций.

Все эти и некоторые другие тенденции развиваются в условиях продолжающегося раскола мира на два полюса. На одном из них — демократия, стабильность, высокий уровень жизни, на другом — бедность, активное социальное брожение, тирания. Первый полюс охватывают государства Западной Европы, США, Канаду, Японию, Австралию, Новую Зеландию, некоторые другие страны. В них проживает около 15% обитателей нашей планеты, так называемый золотой миллиард населения. Ко второму полюсу относится большинство государств Африки, Азии, Латинской Америки.

Наиболее драматичное положение сегодня в Африке. Более половины ее жителей существует на менее чем 1 долл. в день. С начала 90-х гг. в гражданских и этнических войнах на этом континенте погибли более 4 млн человек. Почти 30 млн африканцев — носители вируса иммунодефицита. За последнюю четверть века доля Африки в мировом валом продукте и мировой торговле снизилась без малого вдвое.

Учитывая ситуацию, саммит «большой восьмерки», состоявшийся в июне 2002 г. в канадском Кэнанакисе, решил помочь Африке. Было заявлено, что помощь странам региона должна вырасти на 12 млрд долл. в год, а улучшение систем управления в странах Африки было объявлено одним из приоритетов «свободного мира».

На встрече лидеров восьмерки в Глениглсе (Шотландия) в июле 2005 г. африканская тема также была одной из центральных. Здесь обсуждался вопрос о

списании долгов африканским странам. Изначально предполагалось списать до 100 млрд долл. 46 странам. Постепенно число этих стран снизилось до 18, а сумма списываемых долгов — до 40 млрд долл. В 11 из этих 18 стран только еще закончились или еще идут гражданские войны и лишь в четырех у власти находятся правительства, признанные демократическими. Списание долгов позволит должникам сэкономить только на выплате процентов 1,2 млрд в год [15].

На основании изложенного можно сделать следующий концептуальный вывод.

Мир одновременно одно- и многополярный. Был, есть и будет таковым. Это непреложный закон его существования и развития. Из региональных великих держав всегда выделяется та, которая вступает в борьбу за глобальное первенство, собирая вокруг себя сателлитов (явных и неявных), а также всех, кто стремится извлечь выгоду из блокирования с могущественным гигантом. Его совокупная мощь в сочетании с новой идеологической мессианской доктриной, приближаясь к совокупному могуществу доминирующей сверхдержавы, постепенно все глубже втягивается в борьбу с ней. Борьба развивается по всем направлениям во всех регионах планеты и в самых разнообразных формах. В момент относительного паритета наступает время биполярности — наиболее опасного состояния мира. Оно бывает разных типов: антагонистическое и неантагонистическое. Но каким бы оно ни было, это состояние не может длиться долго. В результате острого кризиса, протекающего нередко в военной форме, наступает развязка, и мир вновь возвращается к однополярному состоянию. (Кстати, биполярное состояние антагонистического типа протекает быстрее, поскольку оно более острое и требует максимального напряжения сил.) В борьбе побеждает тот полюс, который не только обладает более мощными ресурсами, но чьи системы более конкурентоспособны. Его победа означает не только конец одного цикла в истории международных отношений, но и начало нового, не менее сложного и драматичного.

* * *

Системы международных отношений, действовавшие в XX столетии, представляли собой достаточно противоречивые системы отношений между великими державами, под которые были вынуждены подстраиваться другие. Такая ситуация напоминает ту, которая существовала в предыдущие века, в частности в XIX в. Напомню кратко ее суть.

«Концерт великих держав», образовавшийся вскоре после победы над Наполеоном и объединявший его победителей — Австрию, Британию, Пруссию и

Россию, имел своей главной целью поддержание статус-кво, ради которого его участники были готовы пойти на интервенцию, что, кстати говоря, неоднократно случалось. Например, в Италии в 1820 г. или в Испании в 1822 г. Вскоре после возникновения «концерта» победители совершили искусный дипломатический ход и приняли в свои ряды Францию, превратив ее, таким образом, из врага в союзники. Так же поступили великие державы в конце XX в., когда после победы над СССР в «холодной войне» они включили Россию в состав «большой семерки», превратив ее в «восьмерку». «У «восьмерки», — пишет вице-президент «Оксфорд Аналитика» Ристо Пентилла, — есть все характерные признаки глобального концерта и впечатляющий, хотя и непризнанный, список заслуг в области обеспечения мира и безопасности. <...> Концерт великих держав — не идеальный способ управления мировыми процессами, но он существенно лучше анархии». Концерты «оказывают сдерживающее влияние на поведение сверхдержав», а «малые государства подстраиваются под правила, установленные сильными» [16].

Закон тотального господства великих держав был нарушен, когда во второй половине XX в. СССР образовал параллельную (социалистическую) систему международных отношений, со всеми признаками системы, но с другим знаком. Однако из-за фронды Китая, а также внутренних проблем советской системы она оказалась не столь консолидированной и долговечной, как капиталистическая во главе с США.

Подобно Версальской системе, оказавшейся недостаточно эффективной из-за несбалансированности ее принципов, Ялтинско-Потсдамская (фактически биполярная система) также не могла быть долговечной, хотя и была более сбалансированной. Но эта сбалансированность, основанная на военном паритете, достигавшемся ценой невероятных усилий и затрат обеих сторон, была крайне опасной и в своей основе в общем также не вполне эффективной.

Через определенное время, когда Китай создаст необходимую для сверхдержавы № 2 совокупную мощь, биполярность, подобная прежней, вполне может возродиться. Чтобы она была не столь опасной, как прошлая биполярность США — СССР, целесообразно включить Китай, а затем Индию в нынешний «концерт великих держав», превратив «восьмерку» в «девятку», а в последующем — и в «десятку».

Новая система международных отношений еще не сформировалась, и неясно, успеет ли она сложиться до возникновения биполярности.

Всякая новая система вырастает не только из нового соотношения сил в мире, образующегося в

результате какого-либо глобального кризиса, например, мировой войны или крушения могучей империи и ее системы международных отношений, но и новых принципов взаимоотношений между странами, которые отражают новые мировые реальности. Эти принципы кладутся в основу международных документов и, таким образом, становятся императивом для субъектов международных отношений. Без этого система не может сложиться и эффективно работать. Все это означает, что, пока идет сложный процесс согласования принципов и международного нормотворчества, говорить, что новая система сформировалась, нельзя. «Драма современного международного порядка, — отмечает профессор А. Богатуров в статье «Первый порядок эпохи ядерного оружия», посвященной 60-летию Потсдамской конференции, — состоит в кризисе стратегической культуры ялтинско-потсдамской поры. Отчасти это связано с расширением в 1998 г. круга фактических ядерных держав за счет «откровенных нелегалов» в лице Индии и Пакистана. Но и кроме них в мире насчитывают около десятка пороговых стран, не говоря о таких «специфических случаях», как Северная Корея и Иран: КНДР называет себя ядерным государством, но ей не верят, а Иран, напротив, клянется в отсутствии у него стремления приобрести атомное оружие, но все его как раз в этом подозревают» [17].

* * *

Какая же внешнеполитическая стратегия может вытекать из национально-государственных интересов России и основных задач по модернизации страны?

На мой взгляд, следующая: поскольку сегодняшней России трудно проводить наступательную внешнюю политику, какую может себе позволить, например, США или любая другая великая страна со здоровой экономикой и конкурентной стабильной политической системой, постольку ее внешняя политика может быть, если говорить в целом, только **оборонительной**. Пример с расширением НАТО это продемонстрировал более чем наглядно. Однако оборонная стратегия не означает, что российская внешняя политика должна быть пассивной. **Оборона может и должна быть активной**. Прежде всего, на тех направлениях, где это возможно и где ситуация для нас благоприятна. В частности, на таких направлениях, как Ближний Восток, некоторые развивающиеся страны, Индия и др. Здесь можно вести наступательную линию или сочетать оборону с наступлением.

Исходя из этого, я отдал бы предпочтение стратегии «осмысленного многостороннего партнерства

и балансирования». Такая стратегия, как мне представляется, вполне согласуется с выводом об активной обороне. Параллельно с такой стратегией я предложил бы также стратегию превентивных мер, нацеленных на предотвращение негативного развития событий на наиболее уязвимых направлениях.

Следующее мое соображение связано с тем, что по мере укрепления Китая и роста его амбиций как мировой сверхдержавы международные отношения вернутся в состояние противоборства двух сверхдержав (США — Китай). Мнимая многополярность, о которой все говорят как о состоявшемся факте с большими плюсами и которая всегда была, есть и будет, на самом деле — всего лишь исторический фон, на котором активно происходит процесс перехода от временного однополярного состояния к новому биполярному — антагонистическому (или полу-), со всеми вытекающими для всего мира и для России последствиями. Тот, кто учтет это в своей реальной политике, — выиграет, и наоборот. Именно поэтому нам следует переосмыслить и переписать нашу внешнеполитическую доктрину, исходящую из многополярности, а не из переходного состояния от однополярного мира к новому биполярному. Характер, конфигурация международных отношений и баланс сил на мировой арене будут заметно иными, чем в начале XXI в. Возрастет число великих и региональных держав, которые составят новые полюса, со своими интересами и амбициями (в этом смысле можно говорить и о формировании многополюсного мира, хотя он был таким во все времена), изменится приоритетность мировых проблем, безусловное решение которых потребует объединения усилий многих держав, поиска компромиссов, партнерства и т.д. Но мир все же будет **двухСВЕРХполюсным**.

В этой ситуации для России, которой в обозримом будущем явно не удастся вернуться в состояние сверхдержавы и за которой, очевидно, закрепится статус региональной великой державы, наиболее оптимальной и эффективной ролью будет, на мой взгляд, **роль соединительного моста между Западом и Востоком, а, когда возможно, и роль посредника**. Последнюю роль Россия, кажется, с успехом осваивала все последние годы. Посреднической роли благоприятствует не только уникальное географическое положение России на карте мира, но и ее природные ресурсы, исторические, культурные и иные традиции, искусство дипломатии и т.д.

Роли соединительного моста и посредника в сочетании со стратегией активной обороны позволили бы Российской Федерации в ближайшие 10–15 лет окончательно оправиться от распада

СССР, в основном решить внутренние проблемы, прочно встать на ноги, наладить дружественные и союзнические связи с «ближним зарубежьем» и в конечном счете вновь стать одним из важнейших центров мировой политики. Иными словами, России сначала надо восстановить свое жизненное пространство⁶, формировавшееся веками, вернуться к своим естественным границам, которые также определялись и устанавливались столетиями. Чтобы этот процесс шел быстрее и эффективнее, нам необходимо тотально модернизировать свою экономику, перейдя к устойчивой инновационной модели раз-

вития, создать современную конкурентоспособную политическую систему (на ручном управлении далеко не уедешь), основанную на подлинной, а не фасадной конкуренции реализовать многое другое. Осуществление этого превратит Россию в сильный магнит, притягивающий не только страны ближнего зарубежья. Модернизированная Россия позволила бы ей перейти к новой внешнеполитической стратегии и новой практике внешней политики. Все это должно найти отражение в новой концепции внешней политики, разработка которой, на мой взгляд, давно уже назрела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Латухина К. Расклад по правилам [Текст] / К. Латухина // Российская газета. **Федеральный выпуск**. — 2015. — № 6859 (288).
2. Латухина К. О пользе постоянства [Текст] / К. Латухина // Российская газета. **Федеральный выпуск**. — 2016. — № 6870 (2).
3. Латухина К. Всеми средствами» [Текст] / К. Латухина // Российская газета. **Федеральный выпуск**. — 2016. — № 6871 (3).
4. Забродина Е. Кейс № 2015 [Текст] / Е. Забродина // Российская газета. **Федеральный выпуск**. — 2016. — № 6883 (15).
5. Рар А. Запад не должен избегать Москвы [Текст] / А. Рар // Российская газета. **Федеральный выпуск**. — 2015. — № 6797 (226).
6. Рокоссовская А. Мировые игроки делают ставки [Текст] / А. Рокоссовская // Российская газета. **Федеральный выпуск**. — 2015. — № 6862 (291).
7. Иванов И.С. Россия и Европа: к новым правилам [Текст] / И.С. Иванов // Российская газета. **Федеральный выпуск**. — 2015. — № 6852 (281).
8. Константин К. 2015: в стране и в мире [Текст] / К. Константин // Российская газета. **Федеральный выпуск**. — 2015. — № 6865 (294).
9. Караганов С. Праздновать еще рано [Текст] / С. Караганов // Российская газета. **Столичный выпуск**. — 2016. — № 6870 (2).
10. Васильев А. Москва и Пекин относятся друг к другу как к равным [Текст] / А. Васильев // Российская газета. **Федеральный выпуск**. — 2015. — № 6849 (278).
11. Гусман М. Плечо друга [Текст] / М. Гусман // Российская газета. **Федеральный выпуск**. — 2015. — № 6861 (290).
12. Выжutowич В. Восток — дело емкое [Текст] / В. Выжutowич // Российская газета. **Федеральный выпуск**. — 2015. — № 6842 (271).
13. Российская газета. — 2008. — 9 февраля; Известия. — 2008. — 11 февраля.
14. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? [Текст]: пер. с англ / Г. Киссинджер; под. ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Ладомир, 2002.
15. Иноземцева В. Ошибочная формула Гленигlsa [Текст] / В. Иноземцева // Независимая газета. — 2005.
16. Известия. — 2002 — 20 февр.
17. Независимая газета. — 2005. — 20 июля.

⁶ Заметим, что это жизненное пространство одновременно является таким же и для других народов, его населяющих. Постсоветское время, разнообразные миграционные процессы (особенно трудовой миграции), создание и его начало функционирования с 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза, объединяющего Россию, Казахстан, Белоруссию, Армению, а с 9 мая 2015 г. и Киргизстан, к которому проявляют живой интерес и некоторые другие страны СНГ, — все это и много другое подтверждает, что постсоветское пространство, действительно, жизненно важно для всех народов, его населяющих. Хотя на самом деле оно и его ресурсы способны обеспечивать достойную жизнь значительно большому количеству населения.

REFERENCES

1. Latuhina K. Rasklad po pravilam [The alignment of the rules]. *Rossijskaja gazeta*. Federal'nyj vypusk, 2015, I. 6859 (288).
2. Latuhina K. O pol'ze postojanstva [The benefits of permanence]. *Rossijskaja gazeta*. Federal'nyj vypusk, 2016, I. 6870 (2).
3. Latuhina K. Vsemi sredstvami [By all means]. *Rossijskaja gazeta*. Federal'nyj vypusk, 2016, I. 6871 (3).
4. Zabrodina E. Kejs no. 2015 [The case № 2015]. *Rossijskaja gazeta*. Federal'nyj vypusk, 2016, I. 6883 (15).
5. Rahr A. Zapad ne dolzhen izbegat' Moskvy [The West must not shy away from Moscow]. *Rossijskaja gazeta*. Federal'nyj vypusk, 2015, I. 6797 (226).
6. Rokossovskaja A. Mirovye igroki delajut stavki [World players make bets]. *Rossijskaja gazeta*. Federal'nyj vypusk, 2015, I. 6862 (291).
7. Ivanov I.S. Rossija i Evropa: k novympravilam [Russia and Europe: to new rules]. *Rossijskaja gazeta*. Federal'nyj vypusk, 2015, I. 6852 (281).
8. Kosachev K. 2015: v stranei v mire [2015: in the country and in the world]. *Rossijskaja gazeta*. Federal'nyj vypusk, 2015, I. 6865 (294).
9. Karaganov, S. Prazdnovat' eshhe rano [To celebrate too early] [Text] / S. Karaganov // *Rossijskaja gazeta* Stolichnyjvypusk, 2016, no. 6870 (2).
10. Vasil'ev A. Moskva i Pekin odnosjatsja drug k drugukak k ravnym [Moscow and Beijing relate to each other as equal]. *Rossijskaja gazeta*. Federal'nyj vypusk, 2015, I. 6849 (278).
11. Gusman M. Plecho druga [The shoulder of a friend]. *Rossijskaja gazeta* Federal'nyj vypusk, 2015, I. 6861 (290).
12. Vyzhutovich V. Vostok – delo emkoe [The East is succinct]. *Rossijskaja gazeta*. Federal'nyj vypusk, 2015, I. 6842 (271).
13. Rossijskajagazeta. – 2008. – 9 feb.; Izvestija. – 2008. – 11 feb.
14. Kissinger H. *Nuzhna li Amerike vneshnjaja politika?* [Does America need a foreign policy]. Moscow, Ladomir Publ., 2002, p. 5.
15. Inozemceva V. Oshibochnaja formula Gleniglsa [Incorrect formula of Glenigls]. *Nezavisimaja gazeta*, 2005.
16. Izvestija. 2002. 20 feb.
17. Nezavisimaja gazeta. 2005. 20 jul.